

Краткая правда и новгородское летописание

КрП дошла только в составе списков младшего извода *Новгородской первой* летописи XV в. Для аутентичности любого другого текста это составляло бы серьёзную проблему. Странным образом связь КрП с летописанием (и притом именно с НПЛмл) только способствовала её репутации как древнего законодательного памятника.

Это стало возможным благодаря тому огромному влиянию, которое на несколько поколений исследователей оказали идеи и схема древнерусского летописания, разработанные А.А. Шахматовым. Знаменитый филолог, как известно, одной из существеннейших своих задач полагал объяснить, как КрП попала в состав летописи, когда это произошло и почему ни один из летописных сводов ранее НПЛмл не сохранил её текст. Его схема летописания, среди прочего, создавалась в расчёте на такое объяснение. Канонизация шахматовских идей в науке XX в., при которой гипотетические реконструкции начали восприниматься как реально существовавшие летописи, стала одним из существеннейших элементов в доказательстве древности КрП.

Для историков XVIII и XIX вв. то обстоятельство, что КрП находится в летописи, не представляло собой проблемы её аутентичности. Во-первых, ещё бытовало наивное представление о летописях и допускалось, что летописи записывают события в тот же год, под которым известие и стоит в тексте. Во-вторых, существовала надежда, что когда-нибудь и где-нибудь непременно всплывут и иные списки КрП, либо в других летописях, либо в юридических сборниках. Дошахматовская наука довольно смутно представляла, сколько существует летописей, каковы их текстуальные связи, когда и как сформировался их состав. Теперь, когда фонд дошедшего летописания известен практически исчерпывающе, мы имеем весьма точное представление о том, какого состава летописи могли существовать, а в каком составе их представить невозможно. Это стало возможно, в том числе, и благодаря титаническим усилиям Шахматова. Сегодня мы не только утратили надежду на появление новых списков КрП, но и точно знаем, что нигде кроме списков НПЛмл она не могла содержаться. КрП – отличительная черта именно и только одного из видов новгородской летописи.

В отличие от его предшественников (в большинстве своём – историков права), от Шахматова не скрылись странности передачи древнейшего памятника права исключительно внутри летописной традиции. Так же очевидно для него было и то, что позднее происхождение летописи, в которой обнаружена КрП, требует своего объяснения. Где же КрП была до XV в.? В самых общих чертах найденное исследователем решение можно сформулировать так: отсутствие иной, кроме летописной, традиции указывает на то, что КрП была включена в состав летописи на самой заре летописания. Если бы ей нашлась точка «входа»

близко к основанию генеалогической схемы русского летописания, проблема решалась бы совершенно удовлетворительно.

Созданная Шахматовым картина развития летописания от XI до XVI вв., по существу, полное генеалогическое древо всех сохранившихся до наших дней летописей, поражала не только грандиозностью, но и точным указанием «предков» и «потомков» для практически каждого памятника. Она оказалась безоговорочно признанной и в течение последующего столетия служила своего рода «чертежом» для всех разысканий в области летописания. Вместе с тем, она оказалась и лучшим (ибо «научным») ручательством древности КрП, поскольку доказывала возможность передачи её текста внутри летописания, пускай даже и при помощи теоретически восстанавливаемых (а, значит, попросту утраченных) сводов. Во многом схема раннего летописания и древность КрП оказались взаимно подпирющими друг друга концепциями: наличие КрП в составе реконструируемой летописи свидетельствовало о её древности, а древность КрП удостоверялась «ранним» местом содержащей её летописи на генеалогическом древе.

Со времён Шахматова ни одно серьёзное исследование о *Правде* не может считаться завершённым без обсуждения возможного места КрП в раннем русском летописании и того, как она мигрировала из летописи в летопись вплоть до XV в. Поучительно, поэтому, рассмотреть несколько главнейших попыток, даже если основным результатом такого обзора станет демонстрация, как далеко по пути натяжек и произвольных предположений готовы были зайти исследователи, чтобы оправдать древность КрП.

Наиболее существенная текстологическая проблема очевидна. Появляясь впервые в составе НПЛмл, КрП не засвидетельствована в непосредственных источниках этой летописи. Ни ПВЛ, ни *Синодальный* список («старший извод» новгородской летописи) не только не содержат текста КрП, но даже упоминаний о *Правде*. Каким же образом КрП оказалась в составе НПЛмл, если допускать, что она, в самом деле, древний текст?

Для текстолога меньшего калибра, чем Шахматов, отсутствие КрП в ПВЛ и летописях, развившихся из неё, а также в *Синодальном* списке означало бы, что КрП не могла попасть в летопись ранее (по самым консервативным оценкам) второй половины XIV в. Шахматова подобные препятствия никогда не останавливали. Его схема развития новгородского летописания была настолько сложна, изобиловала таким количеством гипотетических стадий, что, в принципе, могла включать любой текст.

Шахматов полагал («не сомневаюсь»), что текст КрП появился в составе НПЛмл в XV в. (т.е. в момент формирования самой летописи) из одного из её летописных источников. Он утверждал, что фрагмент был заимствован из гипотетического «свода 1448 г.», поскольку и в *Новгородской четвёртой*, и в *Софийской первой* летописях есть и упоминания о выдаче грамоты и даже текст ПрП. В свою очередь, гипотетический «свод 1448 г.» своими источниками имел ПВЛ, *Синодальный* список и гипотетический «общерусский свод 1423 г.» Поскольку ни в одном из двух реальных текстов КрП нет, она должна была содержаться в несохранившемся «своде 1423 г.», а тот, в свою очередь, перенял её из гипотети-

ческого «Новгородского владычного свода», отражающего (мы уже догадались) гипотетический же «свод 1167 г.»⁷⁹ Понятно, почему Шахматов вынужден был послать КрП по столь далёкому обходному пути – в своём движении к НПЛмл она должна была разминуться с *Синодальным* списком.

Шахматов, далее, предположил, что свод 1167 г. заимствовал КрП из гипотетического «новгородского свода 1050 г.» Однако грамота, несомненно, попала в летопись ещё раньше, сразу же после того, как была издана Ярославом в 1016 г. Таким образом, впервые она читалась в постулируемой Шахматовым «новгородской летописи 1017 г.»⁸⁰

Придя к такому заключению, исследователь тут же заметил его очевидное опровержение: КрП упоминает сыновей Ярослава, а между тем должна была читаться в летописи задолго до того, как они родились. Выход из затруднения представлялся Шахматову очевидным: текст КрП заменил собой какой-то иной документ с именем Ярослава в заголовке, вероятнее всего, именно тот (гипотетический) оригинал Ярославовой грамоты Новгороду, которую князь действительно издал в 1016 г. Эта оригинальная древняя грамота, полагал Шахматов, хранилась в Новгороде как особо чтимый предмет («святыня») и всё ещё использовалась в середине XIII в.⁸¹

Шахматов не уточнил только два, но наиболее важные для нас момента – когда же произошла подмена «святыни» в летописи и зачем это нужно было делать?⁸²

Последующим исследователям набросок Шахматова представлялся удовлетворительным объяснением, однако не во всех звеньях одинаково убедительным. Пытаясь уточнить сомнительные моменты, они, впрочем, только увеличивали степень гипотетичности и без того весьма смелого построения.

М.Н. Тихомиров следовал Шахматову, но до известного предела. Он заметил, что С1 упоминает изданные Ярославом грамоты дважды: под 1019 и 1035 гг., и в хронологическом отношении это оказывается более точным, чем 1016 г. НПЛмл, а, значит, и первичным известием. Однако в С1 под 1019 г. читается текст ПрП, а не КрП. Это обстоятельство не может означать ничего иного, кроме: редактор С1 заменил текст КрП своего источника на текст ПрП. Поскольку (в соответствии с Шахматовым) НПЛмл и С1 родственны благодаря общему предку, в этом последнем КрП читалась, но не под 1016, а под 1019 г. Выпустив несколько «передаточных звеньев», Тихомиров избрал на роль такого общего предка «новгородский свод 1167 г.»⁸³ Это означало, что КрП вошла в летописание во второй половине XII в. (Тихомиров не мог опускать «точку входа» ниже, поскольку полагал, будто КрП окончательно сформировалась именно в XII в.).

79 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах* (здесь и далее цитируется по изданию: Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1, ч. 1. СПб., 2002, 156).

80 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 338.

81 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 339.

82 И возражение в стиле Шахматова, но уже для примечания. Если «святыня» хранилась в новгородском архиве, почему же никто не заметил подмены и не восстановил древний документ в летописи? Ведь от такой фальшивки летопись явно теряла в авторитете.

83 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 35–40.

Позднее в пользу «новгородского свода 1167 г.» высказался Н.Н. Гринёв. Его идея, однако, состояла в том, что своим нынешним видом единого и сплошного текста КрП обязана именно редакторской деятельности летописца, соединившего в 1167 г. четыре различных документа для того, чтобы включить их в летопись.⁸⁴

Шахматов никогда так и не определил точнее, в каком отношении КрП стоит к его другому важнейшему открытию – «Начальному своду» 1090-х гг. Однако то обстоятельство, что «точкой входа» он определил наиболее ранние летописи Новгорода, наводило на мысль, что КрП могла оказаться занесённой и в «Начальный свод 1093 г.» Эту подсказку подхватил М.П. Присёлков, утверждавший, что в начале XV в. редактор новгородского владычного свода обнаружил «киевский свод XIII в.», включавший «Начальный свод» 1093 г. Где-то среди дополнительных материалов, присоединённых к «Начальному своду», находилась и КрП. Натолкнувшись на неё, редактор новгородского владычного свода решил поставить её на надлежащее место, иными словами – в статью 1016 г.⁸⁵

А.А. Зимин также полагал, что КрП читалась в «Начальном своде», но набросал для неё несколько отличный маршрут. Он предположил, что в XV в. редактор НПЛмл натолкнулся на рукопись (гипотетического) новгородского «свода Всеволода Мстиславича» 1130-х гг. Здесь он разыскал текст КрП и скопировал её в собственную летопись. В свою очередь, «свод Всеволода 1130-х гг.» основывался на «Начальном своде» 1093 г. и, вероятнее всего, заимствовал КрП вместе с остальным материалом оттуда.⁸⁶

Вероятно, идея происхождения КрП из «Начального свода» своей сравнительной популярностью обязана расхожему (и упрощённому) представлению о шахматовских идеях. Поскольку Шахматов реконструировал «Начальный свод» именно на основании НПЛмл, эта последняя стала со временем едва ли не синонимична «Начальному своду». Следовательно, привычно полагают, что всё, что находится в НПЛмл и, напротив, не находится в списках ПВЛ – из «Начального свода». Между тем, идея наличия КрП в «Начальном своде» уязвима. Прежде всего потому, что не разъясняет, почему якобы основанная на «Начальном своде» ПВЛ не знает ни текста КрП, ни даже летописной статьи о её издании. Предположим, Сильвестр выбросил КрП. Но каковы бы могли быть его мотивы? Ведь он дотошно собирал иные «грамоты» киевских князей и внёс в свой текст довольно значительные документы – договоры Руси с Византией.

Концепция «Начального свода» со времён Шахматова претерпела существенную эволюцию. В новейших работах А.А. Гиппиус отстаивает мнение, что «Начальный свод» возможно отчётливо проследить в тексте НПЛмл только до 6523 г. (1015 г.). За этой чертой «Начальный свод» лишь угадывается в качестве содержательной подосновы ПВЛ, но точная атрибуция тех или иных текстов крайне затруднена, если вообще возможна. Именно «за чертой осёллости», ус-

84 Гринёв Н.Н. Краткая редакция Русской правды как источник по истории Новгорода XI в. *Новгородский исторический сборник*. Т. 3 (13). Л., 1989, 20–42.

85 Присёлков М.П. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды, 238–250.

86 Зимин А.А. *Правда Русская*, 44–47.

тановленной для «Начального свода» в новейших работах, должна была бы находиться КрП. А это означает, что даже в рамках традиционных постшахматовских представлений утрачены последние текстологические основания вообще помещать её в «Начальный свод».

Не так давно Т.Л. Вилкул предприняла радикальный пересмотр концепции «Начального свода» как та представлена у Шахматова и основных его последователей. Исследователь отстаивает весьма простой и экономный сценарий происхождения текста НПЛмл за X–XI вв. как непосредственного компилирования из текста ПВЛ и текста *Синод*.⁸⁷ В этом сценарии возникновения НПЛмл, решительно устраняющем нагромождение гипотетических «сводов» (где до сих пор «обитала» КрП), места для неё не находится.

Постепенно возникающее новое представление о том, чем является ПВЛ, делает гипотезу о КрП в «Начальном своде» ещё менее правдоподобной. Как в последних исследованиях отмечает А.А. Гиппиус, есть основания принять предположение Алана Тимберлейка,⁸⁸ что «Начальный свод» (после своего завершения в 1091 г.) пополнялся погодными записями вплоть до момента создания на его основе ПВЛ.⁸⁹ Это (возможно по неосторожности пророненное) признание, вообще говоря, может иметь далеко идущие последствия для реконструкции «Начального свода». Следом за А. Тимберлейком А.А. Гиппиус отмечает, что «анналистическое продолжение» «Начального свода» (за 1092–1112?–1115? гг.) вошло в ПВЛ без изменений. Это ответственный вывод, исходящий из общих представлений о том, как последующий летописец работал с унаследованным материалом своего предшественника. Оказывается (passe Шахматов), летописец «копировал», а не «редактировал». Но в чём тогда основания полагать, будто другие части этого гипотетического свода подверглись иной (более глубокой) степени переработки? Смыкание «Начального свода» с ПВЛ путём непрерывной цепи погодных записей разрушает фундаментальную для Шахматова (и позволяющую постулировать «глубокую переработку» текста) идею дискретных, значительно отстоящих хронологически, решительных актов литературной деятельности – «сводов». Мы, вероятно, вскоре вернёмся к более «нормализованному» образу киевского летописания XI – начала XII в. как, в основе своей, постоянному и непрерывному процессу накопления погодных записей. Но потенциально новые идеи о «Начальном своде» и ПВЛ (при додумывании их до конца) приводят к выводу о том, что «Начальный свод с анналистическим продолжением» и есть, собственно *Повесть временных лет*, составленная после 1115 г.

87 Татьяна Вилкул, «Новгородская первая летопись и «Начальный свод»,» *Paleoslavica*, XI (2003), 5–35. О КрП см.: 17, прим. 57 и 18, прим. 59. О сомнениях относительно «Начального свода» в том виде, как его предполагал Шахматов, см. также в: Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы XI–XIII вв.* СПб., 2003, 47–53.

88 Alan Timberlake, «Redactions of the Primary Chronicle,» *Русский язык в научном освещении*. 2001, №1, 208–212.

89 Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I. *Славяноведение*. 2007, №5, 23–25.

В заключение этой части наблюдений уместно будет поразмышлять ещё над одной загадкой, напрямую относящейся к нашей теме: почему именно в НПЛмл Шахматов увидел следы древней летописи? Сегодня мысль о «Начальном своде» кажется совершенно естественной, как естественно обращаться за ним к НПЛмл. Но во времена Шахматова это была радикальная идея: предположить, что летопись более древняя, чем ПВЛ, может быть открыта в позднем новгородском своде. Каким же образом среди всех новгородских летописей XV в. Шахматов идентифицировал именно НПЛ как содержащую «Начальный свод»? Нам часто кажется, что он представил свои резоны в «Разысканиях» в виде детального доказательства (и ими руководствовался изначально). Обоснование, впрочем, стало результатом огромной текстологической работы в течение многих лет. Но что-то же должно было подсказать, что такая работа не будет напрасной. Что именно в НПЛ сразу бросалось в глаза, как маркер старины?

Известно, что подсказало Шахматову идею «летописи древнее ПВЛ». Как справедливо напомнил Алан Тимберлейк,⁹⁰ под 1093 г. в «Истории Российской» Татищева Шахматов нашёл поучение, заканчивающееся словом «аминь». Для Шахматова это было свидетельством текстуального шва, окончания какой-то летописи, предшествующей ПВЛ – «Начального свода». Дальнейшая работа была обоснованием этой догадки.⁹¹

Но почему Шахматов принялся искать этот свод не там, где нашёл подсказку, а в совершенно другой летописи, в НПЛмл? Что сразу указывало на неё как на возможного подозреваемого? Ответ здесь очевиден – в НПЛмл была *Краткая правда*, древнейший известный памятник права. Ничего подобного не предлагала ни одна другая летопись XV в. Только в НПЛмл был шанс найти предшествующую ПВЛ летопись. Нет ли печальной иронии в том, что величайшее открытие Шахматова было спровоцировано двумя сомнительными свидетельствами – Татищевым и КрП?

90 Alan Timberlake, "Redactions of the Primary Chronicle," 197–198; см. также: Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.*, 51–52; Толочко А. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica*, 7 (2008), 164, прим. 54.

91 Надо сказать, происхождение этого места у Татищева неясно. Ни одна из доступных ему летописей не должна была содержать подобного чтения. Напротив, в *Ипатьевской* летописи идентичным образом завершается статья 1111 г. о походе на половцев. Странно то, что выписывая из *Ермолаевского* списка это известие, Татищев по каким-то причинам опускает «аминь» (см.: Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 4. *История Российская. Часть вторая*. М., 1995, 178). Можно предположить, что перемещение такого очевидного маркера окончания летописи из 1111 г. в статью 1093 г. связано с доказательствами авторства Нестора. Нестор, по вычислениям Татищева, должен был писать летопись не позже 1090-х гг. Следующим летописцем был уже только Сильвестр, писавший в 1116 г. «Аминь» в статье 1093 г. как раз и разграничивает тексты двух летописцев:

О конце же летописи Несторовой сказать точно невозможно для того, что Сильвестр и другие, продолжающие по Несторе, хотя в надписании имя Несторова полагали, но своего начала от Несторова окончания не отличали, или после списыватели, от неразумности в том погреша, смешали. Однако же мнится, что оно в 1093-м году, где он, пиша о казнях божеских за грехи, кончит речь таким порядком, как обыкновенно книги русские кончаются: аминь, что и последователь его Сильвестр во окончании своей летописи равномерно положил.

(Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 1. *История Российская. Часть первая*. М., 1994, 120).

Гипотеза о «Начальном своде» в любой из своих модификаций не объясняет иной странности. КрП могла быть или не быть в составе киевского летописания в XI–XII вв. Но она не могла не быть в новгородском летописании. А между тем, древнейший его свидетель – *Синодальный* список (или старший извод *Новгородской первой* летописи) хранит о Ярославовой грамоте полное молчание.

Последнюю по времени попытку совладать с этой проблемой предпринял А.А. Гиппиус при изучении начального новгородского летописания.⁹² Исследователь различает в нём два этапа, совместно ответственные за формирование корпуса известий за XI в. В 1110-х гг. создаётся княжеский свод Всеволода Мстиславича. Этот гипотетический свод основывался на «Начальном своде» («с продолжением по 1115 г.»); в качестве дополнительного источника был использован «новгородский свод XI в.» Около 1132 г. княжеская летопись перешла под патронат епископа и подверглась существенному пересмотру в конце 1160 г. *Синодальный* список отражает состояние новгородского свода до его редактирования в 1160-х гг., тогда, как текст в НПЛмл отражает состояние свода после пересмотра 1160-х гг. Различение между двумя этапами призвано объяснить отсутствие КрП в *Синод.* и наличие в НПЛмл. Как именно?

По мысли Гиппиуса, в источнике «свода Всеволода 1110-х гг.» содержалось только упоминание Ярославовой «грамоты» и «устава», но не текст грамоты. Редактор «свода Всеволода» по идеологическим соображениям и вовсе убрал весь эпизод как предположительно неприличествующий княжескому своду. Так возник вариант *Синод.* Редактор же «владычного свода 1160-х гг.», движимый предположительно противоположными идеологическими соображениями, возобновил вычеркнутые упоминания о Ярославовой грамоте. Он пошёл ещё дальше, подтвердив «грамоту и устав» текстом КрП. Гиппиус предположил, далее, что именно этот последний из вереницы редакторов ответственен за ошибочную хронологию, почему КрП и оказалась вставленной под 1016, а не 1019 г.

Итак, последовательность такова: сообщение о грамоте есть в «своде 1110», удаляется в «своде 1130» и вновь восстанавливается на том же самом месте в «своде 1160». В сценарии Гиппиуса (вопреки некоторой переусложнённости) нет ничего невозможного. Его изъян – тот же, что и сценария Шахматова. Мы не узнаем, где редактор «1160» раздобыл текст КрП и откуда знал, что его место в статье 1016 г.?

Наибольшие сомнения вызывают, впрочем, побудительные мотивы для этих редакторских вмешательств: идеологические соображения, которые современный исследователь приписывает древним летописцам. Ничто не указывает, что «грамота», изданная князем, была бы неуместна в летописи иного князя, его потомка. Тем более грамота, в которой – как в КрП – нет ничего, что могло бы повредить авторитету князя. Как неочевидно, почему владычная летопись никак не могла обойтись без такой грамоты, где епископ и вообще церковь даже не упоминаются. Подобные решения, разумеется, освящены авторитетом Шах-

92 Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник*. Т. 6 (16). СПб., 1997, 3–72.

матова, слишком часто прибегавшего к идеологическим аргументам для обоснования той или иной правки или даже создания новой летописной редакции. Эти идеи, изолирующие «княжеское летописание» и «владычное (церковное) летописание», глубоко укоренены в предрассудках российской историографии (усугублённых советским опытом) об ожесточённом соперничестве, политическом и идеологическом, между светской и церковной властями на Руси, а в Новгороде в особенности. Остаётся неизвестным, действительно ли летописцы руководствовались столь непосредственными идеологическими поводами для высказывания. Но даже если допускать их ангажированность, нет никакой уверенности, что современный исследователь безошибочно верно прочитывает скрытые идеологические мотивы хрониста XI или XII вв.

Если «идеология» выглядит сомнительным толчком к изыманию и повторному возвращению КрП в летопись (а иного – текстологического – мотива найти не удаётся), условия «задачи с тремя неизвестными» исчезают. Если известия о Ярославовых грамотах не изымались в «своде 1130» и не восстанавливались в «своде 1160», быть может, их никогда и не было?

Мораль предыдущего обзора состоит в демонстрации трудностей, испытываемых исследователями при попытках найти для КрП определённое место в генеалогических схемах раннего летописания. Тревожит не столько количество соперничающих и взаимоисключающих гипотез, сколько то единственное, в чём они согласны. В каждой из рассмотренных интерпретаций, начиная с того момента, как она попадает в летописание и до того, как выныривает в НПЛмл, КрП передаётся исключительно гипотетическими «сводами». На всех развилках стеммы, где КрП могла бы войти в летопись, от которой сохранился реальный список, она чудесным образом выбирала гипотетический – по разным причинам и в разные эпохи на протяжении 400 лет редакторы изымали её. Какова вероятность такого сценария?